

Тайны Полюса

Автор:

[Кристель Дабо](#)

Тайны Полюса

Кристель Дабо

Сквозь зеркала #2

Офелию подхватил вихрь поразительных событий и перемен. Еще вчера девушка была новым человеком на Полюсе, не понимающим, что происходит вокруг, а сегодня она – в центре грандиозной интриги! Ей предстоит свидание, о котором многие обитатели Полюса мечтают десятилетиями: со дня на день Офелия встретится с самим Фаруком, Духом ковчега.

Во второй книге серии «Сквозь зеркала» героиня уже не выглядит ребенком, потерявшимся в загадочном мире взрослых. Наконец-то ей представляется шанс взять судьбу в собственные руки! И, кстати, руки здесь помогут как нельзя лучше: в кончиках пальцев, старательно спрятанных под перчатками, заключена магическая сила. За такой дар сам Фарук готов многое отдать, а нежеланный жених героини, изворотливый и непредсказуемый Торн, и вовсе мог бы убить...

Фантастический мир Кристель Дабо, раздробленный на парящие во Вселенной ковчеги, обрастает подробностями, и теперь его законы известны читателям. Однако от этого сюрпризов не становится меньше – напротив, с каждой главой история девушки с Анимы, против воли перебравшейся на Полюс, развивается всё неожиданнее. Как спасти свой бесценный дар чтицы от чужих амбиций и алчности? Как выжить в загоне с хищниками? Эти загадки Офелии предстоит разгадать.

Тетралогия «Сквозь зеркала» французской писательницы Кристель Дабо (родилась в 1980 году) – это целая альтернативная реальность, замысловатая и непредсказуемая, но продуманная до мельчайших деталей. Мировой тираж первого тома превышает 500 тыс. экземпляров, а франкоязычный интернет заполнен фан-артом по мотивам историй об Офелии. Первая книга, вышедшая в

2018 году в издательстве «КомпасГид», сразу стала хитом, и продолжение истории – настоящий подарок российским поклонникам Кристель Дабо.

Кристель Дабо

Тайны Полюса

© Gallimard Jeunesse, 2015

© Christelle Dabos, текст, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2018

Краткое содержание первого тома

После Великого Раскола уцелевшие части планеты Земля стали ковчегами, летающими в пространстве. Офелия счастливо жила вместе с семьей на Аниме, одном из таких ковчегов. Девушка обладала двумя волшебными свойствами: умением читать руками прошлое предметов и проходить сквозь зеркала. Первое свойство позволило ей стать заведующей музеем доисторических вещей, и она очень любила свою работу. А вот второе свойство чуть не стоило Офелии жизни. В детстве, во время своего первого зеркального путешествия, она застряла между двумя зеркалами, и ее едва вызволили оттуда.

Уютный, маленький мир Офелии разлетелся вдребезги, когда девушке пришлось согласиться на дипломатический брак. Торн, таинственный и угрюмый жених Офелии, увез ее с Анимы на свой далекий Полюс.

Дух этого ковчега Фарук – полубог, получеловек. Знатные обитатели Полюса, наделенные разными опасными волшебными свойствами, могли совершить любую подлость, чтобы удостоиться милостей властителя. В довершение

несчастий, Торн оказался сыном изгнанницы и вдобавок суперинтендантом Фарука, за что все его ненавидят вдвойне.

В ожидании свадьбы Торн спрятал Офелию – сначала в доме своей тетки Беренильды, а потом в замке Лунный Свет. Там девушка, скрываясь под личиной простого лакея, познакомилась с закулисным миром ковчега, где ее считали нежеланной гостьей. Именно в Лунном Свете она узнала о существовании древнейшего загадочного текста – Книги Фарука, – расшифровка которого стала подлинным наваждением властителя Полюса.

Офелии открылась ужасная правда: Торн собирался жениться на ней лишь ради ее чудесных рук чтицы. После свадьбы ему передастся от жены умение читать вещи, и он сможет расшифровать Книгу!

Оскорбленная Офелия решила больше ни в чем не доверять Торну. Когда обстоятельства все-таки вынудили его показать всем невесту и официально представить ее Фаруку, Офелия поклялась себе: при Дворе она сама найдет свое место.

Предисловие

Вначале мы были единым целым.

Но Богу это не нравилось. Он развлекался, пытаясь нас разъединить. А потом, наскучив этими играми, забывал про нас. Бог был до того жестоким в своей равнодушии, что пугал меня. Но порой Он бывал добрым, и тогда я любил Его так, как не любил никого на свете.

Я думаю, мы все могли бы жить вполне счастливо – Бог, я и остальные, – не будь этой проклятой Книги. Она внушала мне отвращение. Я знал, что меня связывает с ней (и как ужасно связывает!). Но в полной мере я осознал это позже, много позже. А тогда я ничего не понимал, я был слишком глуп.

Да, я любил Бога, но ненавидел Книгу, которую Он раскрывал по всякому поводу и без повода. Это Его забавляло. Когда Бог приходил в доброе расположение

духа, Он писал. Когда гневался, Он тоже писал. А однажды, в ярости, Он совершил чудовищную глупость.

Бог расколол наш мир на куски.

Post scriptum

Теперь я вспомнил: Бог был за это наказан. В тот день я понял, что Он не всемогущ. С тех пор я Его больше никогда не видел.

Рассказчица

Игра в гусёк[1 - Гусёк – старинная игра на прохождение маршрута. Расстояние, на которое игрок мог передвинуть по игровому полю свои фишки, определялось бросанием игральные костей. – Здесь и далее примеч. переводчика.]

Офелия была ослеплена. Стоило ей выглянуть из-под зонтика, как солнце осаждало ее со всех сторон. Оно палило с неба, отражалось от лакированных деревянных мостков для прогулок над водой, сверкало искрами на поверхности моря до самого горизонта и на драгоценностях придворных кавалеров и дам. Однако Офелия успела заметить, что ни Беренильды, ни тетушки Розелины поблизости не было.

И ей пришлось признать очевидное: она заблудилась.

Для человека, явившегося ко Двору с твердым решением найти здесь свое место, начало было, скорее, неважное. Ей назначили встречу, чтобы официально представить Фаруку. А если на свете и есть кто-то, кого нельзя заставлять ждать, то это, несомненно, Дух Семьи.

Но где же он? Может, там, в тени высоких пальм? Или в одном из этих роскошных дворцов, что выстроились вдоль морского берега? Или в какой-

нибудь из пляжных кабинок?

Офелия опять выглянула из-под зонтика, но тут же стукнулась о фальшивое небо. Потом попыталась нагнуться над парапетом, чтобы высмотреть Фарука хоть где-нибудь. Море оказалось всего лишь огромной колыхавшейся фреской, такой же иллюзорной, как шум волн и запах влажного песка. Офелия поправила сползавшие очки и вгляделась в окружающий пейзаж. Похоже, здесь почти все ненастоящее: фонтаны и пальмы, море и солнце, небо и палящая жара. Даже за фасадами дворцов, наверно, одна только пустота.

Иллюзорный мир...

Да и чего ждать, находясь на шестом этаже башни Фарука, если эта башня возносится над Небоградом, а сам Небоград парит в воздухе над полярным ковчегом?!

Офелия побаивалась всех этих обманок, но еще больше она опасалась тех, кто ими пользовался, чтобы манипулировать остальными. Именно поэтому сейчас ей стало не по себе среди придворных, которые толкали ее на ходу, стараясь обогнать.

Все они были Миражами, мастерами иллюзии.

Офелия – тщедушная, черноволосая, близорукая – чувствовала себя незваной гостьей среди этих рослых людей с их льняными волосами, пронзительными взглядами и татуировками на лицах – знаком клана. Они то и дело пристально смотрели на нее, видимо, недоумевая: кто она, эта девушка, которая так старательно прячет лицо под зонтиком? Но Офелия твердо решила не выдавать себя: она здесь одна и беззащитна; распознай они в ней невесту Торна, самого ненавидимого из всех чиновников ковчега, – никто не дал бы и гроша за ее жизнь. Или за ее рассудок. Хватит и того, что у нее трещина в ребре, синяк под глазом и расцарапанная щека; не стоит усугублять ситуацию.

Но в одном отношении Миражи оказались полезны Офелии. Вглядевшись в даль, куда все они так спешили, она поняла, что яркий блеск на другом конце дорожки исходил от гигантского сооружения из стекла и металла. Значит, эти мостки – не обман зрения, они ведут к настоящему имперскому дворцу.

Скорее всего, Офелия встретится с Фаруком, Беренильдой и тетушкой Розелиной именно там, и нужно идти туда.

Девушка зашагала следом за придворными, стараясь держаться как можно незаметнее. Но ей ужасно досаждал шарф: один его конец обмотался вокруг лодыжки Офелии, а второй волочился следом, по земле, весело извиваясь, – ни дать ни взять влюбленный удав. И хозяйка никак не могла призвать его к порядку. Она, конечно, была очень довольна тем, что они снова встретились после долгой разлуки, но остерегалась подавать голос: ей вовсе не хотелось, чтобы из-за акцента все узнали в ней гостью с Анимы. По крайней мере, до тех пор, пока она не отыщет Беренильду.

И Офелия опустила свой зонтик еще ниже. Но тут ей попался на глаза газетный киоск. Крупные жирные заголовки гласили:

«Конец Драконов!»

«Кто охоты не страшится, тот и головы лишится!»

Офелия сочла это глумлением над мертвыми, притом глумлением весьма вульгарного толка. Драконы были родней ее жениха, а значит, и ее собственной, и все они погибли на охоте в лесу, при самых драматических обстоятельствах. Однако в глазах Двора это означало всего лишь исчезновение вражеского клана, не более того.

Офелия прошла в конец дорожки на сваях, и то, что издали выглядело загадочным источником света, преобразилось в архитектурный фейерверк. Дворец оказался намного больше, чем она думала. Его золотой купол, чей острый шпиль вонзался в небо, как молния, соперничал своим блеском с солнцем, хотя был всего лишь кровлей монументального здания, украшенного по углам восточными башенками.

«И все это, – подумала Офелия, обводя взглядом дворец, море и толпу придворных, – все это уместается на одном только шестом этаже башни Фарука!»

Ей и впрямь становилось страшновато.

Однако ее страх перерос в настоящую панику, когда она увидела двух белых псов, громадных, как полярные медведи. Пристально глядя на девушку, они шли прямо на нее. Но Офелию испугали не собаки, а их хозяин.

– Добрый день, мадемуазель. Прогуливаетесь в одиночестве?

Офелия не верила своим глазам: она узнала эти золотистые кудряшки, очки с толстыми стеклами и пухленькое ангельское личико.

Шевалье! Тот самый Мираж, без которого Драконы были бы сейчас живы и здоровы!

Внешне он выглядел обычным маленьким мальчиком – только чуть более упитанным, – но под этой личиной таился безжалостный злодей, с которым не мог совладать ни один взрослый и которого боялась его собственная родня. Как правило, Миражи довольствовались тем, что создавали иллюзии вокруг себя; шевалье же внедрял их прямо в мозг своих жертв. Извращенная власть над людьми была его главным пристрастием. Он воспользовался ею, чтобы свести с ума юную служанку, заключить тетушку Розелину в кокон воспоминаний, натравить на Драконов свирепых зверей во время охоты, – и проделал все это так ловко, что его ни в чем невозможно было уличить.

Офелия никак не могла понять, почему никто из придворных не запретил ему появляться здесь.

– Вы, по-моему, заблудились, – объявил шевалье необычайно учтивым тоном. – Хотите, я буду вашим проводником?

Офелия молчала, не в силах определить, какой из ответов – «да» или «нет» – станет ее смертным приговором.

– Ах, вот вы где! Ну, куда же вы пропали?

К своему великому облегчению, Офелия увидела Беренильду. Грациозно придерживая пышную юбку, та раздвинула толпу придворных и проплыла

между ними спокойно и плавно, как лебедь, скользящий по глади озера. Однако, взяв Офелию под руку, красавица изо всех сил прижала к себе ее локоть.

– Здравствуйте, мадам Беренильда, – робко сказал шевалье.

Его щеки вспыхнули багровым румянцем. Он неловко вытер вспотевшие ладошки о свою матроску.

– Нам нужно спешить, моя дорогая, – сказала Беренильда, не удостоив шевалье ни взглядом, ни ответом. – Партия почти окончена. Ваша тетушка следит, чтобы никто не занял наши места.

Выражение глаз шевалье трудно было определить за толстыми линзами, искажавшими его взгляд, но Офелии показалось, будто он растерян. Она не могла постичь этого мальчишку: неужели он рассчитывал, что его похвалят за убийство целого клана?!

– Вы больше не хотите со мной разговаривать, мадам? – спросил он, и в его голосе послышалось беспокойство. – У вас не найдется для меня ни одного словечка?

Беренильда заколебалась, потом взглянула на него с самой сияющей из своих улыбок:

– Ну, если вам так угодно, шевалье, то вот вам от меня целых семь слов: ваш юный возраст недолго будет защищать вас.

Бросив ему это предостережение, сделанное почти бесстрастным тоном, Беренильда направилась к дворцу. Офелия оглянулась и похолодела от того, что увидела: шевалье пожирал ее глазами – именно ее, а не Беренильду, – и его лицо было искажено злобной ревностью. А что, если он натравит на них своих собак?

– Из всех людей, с которыми вы никогда не должны оставаться наедине, шевалье – самый опасный, – прошептала Беренильда, еще сильнее стиснув локоть Офелии. – Неужели вы так и не научились следовать моим советам? Идите быстрее, – добавила она, ускоряя шаг. – Партия скоро закончится, мы не

должны заставлять ждать монсеньора Фарука.

– Какая партия? – задыхаясь, спросила Офелия.

У нее все сильнее болел поврежденный бок.

– Произведите на нашего властителя хорошее впечатление, – приказала Беренильда, не переставая ослепительно улыбаться. – Теперь у нас гораздо больше врагов, чем союзников, и его покровительство станет решающим в этой неустойчивой ситуации. Если вы не понравитесь ему при первой встрече, то погубите нас.

И Беренильда притронулась к животу, словно включая в число будущих жертв ребенка, которого она носила.

Офелия шла, прихрамывая, и это раздражало шарф, обвивавший ее ногу. Слова Беренильды только усугубляли нервозность девушки. Боязнь была тем более сильной, что у нее в кармане лежала телеграмма от родных. Вся семья Офелии – мать и отец, дядья и тетки, брат, сестры и кузены, – встревоженные отсутствием писем, решили ускорить свой приезд на Полюс и прилететь на несколько месяцев раньше условленного срока. Они даже не подозревали, что их безопасность также зависит от доброй воли Фарука.

Офелия и Беренильда вошли в главную ротонду дворца, еще более роскошную внутри, чем снаружи. Из нее расходились в разные стороны пять галерей, и каждая из них выглядела величественной, как церковный неф. Под высоченными стеклянными сводами каждый шепоток или самый тихий шелест платья повторялся оглушительным эхом. Здесь собрался цвет общества: министры, консулы, артисты, художники и их временные музы.

К Беренильде подошел мажордом в расшитой золотом ливрее.

– Низжайше прошу дам следовать за мной в Сад для игры в гусёк. Монсеньор Фарук примет вас по окончании своей партии.

И мажордом повел их по одной из пяти галерей, предварительно освободив Офелию от ее зонтика. Он вознамерился забрать у нее и шарф, но девушка

вежливо возразила:

– Простите, я предпочитаю держать его при себе. Поверьте, он не оставляет мне выбора.

Беренильда с тяжким вздохом удостоверилась, что лицо Офелии полностью скрыто кружевной вуалеткой.

– Старайтесь не демонстрировать раны, это признак дурного вкуса. Запомните: если вы сегодня хорошо проявите себя, то сможете считать Парадиз своим вторым домом.

Офелия подумала: а где же мой первый дом на Полюсе? С момента прибытия сюда она успела пожить в замке Беренильды, в посольстве Лунного Света, побывать в интендантстве своего жениха, но нигде не почувствовала себя дома.

Мажордом впустил их в просторный зал, нечто вроде внутреннего сада под стеклянным куполом, в тот самый момент, когда там раздались громкие аплодисменты и крики «Браво!», «Прекрасный ход, монсеньор!». Офелия никак не могла разглядеть сквозь белые кружева своей вуалетки, что происходит между пальмами этой оранжереи. Толпа придворных в высоких париках скучилась на лужайке вокруг какого-то странного лабиринта. Офелии, при ее малом росте, не удавалось выглянуть из-за спин впереди стоящих людей, но Беренильда с легкостью проложила среди них путь в первые ряды: узнавая ее, придворные сами уступали ей дорогу, не столько из учтивости, сколько желая оказаться на безопасном расстоянии. Они предпочитали сперва услышать вердикт Фарука, а уж потом определить собственное отношение к этой особе.

Увидев Офелию вместе с Беренильдой, тетушка Розелина скрыла облегчение за недовольной гримасой.

– Тебе придется объяснить свое поведение, – прошипела она. – Ну как я могу опекать девицу, которая то и дело сбегает от меня?!

Теперь Офелия разглядела игровое поле во всех подробностях. Это был лабиринт, состоявший из пронумерованных плит. На некоторых из них сидели живые гуси, привязанные к колышкам. Тут же, на извилистой дорожке, стояли двое слуг, словно в ожидании приказов.

Офелия посмотрела туда, куда были устремлены в этот момент все взгляды, – на эстраду рядом с лабиринтом. Там, за красивым столиком, белым, как и сама эстрада, сидел игрок. Он что-то сжимал в кулаке и с явным удовольствием медлил, испытывая терпение публики. Офелия узнала его по дырявому цилиндру и наглой усмешке до ушей. Это был Арчибальд, посол Полюса, доверенное лицо Фарука.

Наконец он разжал кулак, и в мертвой тишине зала раздался дробный стук игральных костей.

– Семь! – объявил церемониймейстер.

Тотчас один из слуг передвинулся на семь плит вперед и, к ужасу Офелии, рухнул в открывшийся люк.

– Нашему послу ужасно не везет в игре, – иронически бросил кто-то за спиной Офелии. – Это его третья партия, а ему почему-то все время выпадает люк.

Присутствие Арчибальда отчасти успокоило Офелию. Конечно, у него были свои недостатки, но он явился сюда, что свидетельствовало о его благосклонном отношении к ней, а главное – он принадлежал к клану Паутины. Почти все придворные, за небольшим исключением, были Миражами, и атмосферу зала пронизывала такая враждебность, что впору задохнуться. «Если все они так же коварны, как шевалье, – подумала Офелия, – то мне предстоит поистине веселые деньки».

Но тут придворные впились глазами в другого игрока, сидевшего на эстраде, и девушка посмотрела туда же. Сначала, из-за своей вуалетки, она приняла увиденное за скопище бриллиантов. Но, присмотревшись, поняла, что они украшают многочисленных фавориток, окружавших Фарука: одна расчесывала его длинные белоснежные волосы, другая прильнула к груди, третья примостилась у ног... Фарук сидел, облокотившись на столик, слишком низкий для его роста. Казалось, ему безразличны и ласковые прикосновения дам, и партия, которую он разыгрывал. Во всяком случае, Офелия сделала такой вывод, увидев, как он зевает во весь рот, бросая кости. Со своего места она не могла как следует разглядеть его лицо.

– Пять! – звучно пропел церемониймейстер под громкие аплодисменты присутствующих.

Второй слуга тотчас начал перепрыгивать с клетки на клетку. Всякий раз, как он приземлялся на плиту, занятую гусем, тот яростно шипел и пытался ущипнуть его за ногу, но лакей успевал прыгнуть дальше, пока не достиг последней клетки в центре лабиринта. Придворные приветствовали его радостными криками, точно олимпийского чемпиона. Фарук выиграл партию. Что же до Офелии, то она сочла эту забаву неприличной. И надеялась, что кто-нибудь поскорее займется первым лакеем, вытащив беднягу из люка.

Какой-то человечек в белом костюме воспользовался концом игры, чтобы поднести Фаруку нечто похожее на письменный прибор. Затем с широкой улыбкой он стал что-то нашептывать правителю на ухо. Изумленная Офелия увидела, как Фарук небрежно приложил печать к поданному документу, даже не заглянув в него.

– Берите пример с графа Бориса, – шепнула ей Беренильда. – Он дождался удобного момента, чтобы получить еще одно поместье. Приготовьтесь, сейчас наш выход.

Но Офелия ее не слушала: она во все глаза смотрела на другого человека там же, на эстраде. Он стоял неподвижно и был бы совсем незаметен в своем темном костюме, если бы внезапно не щелкнул крышкой карманных часов. При виде его Офелию охватил жар, от которого у нее даже уши запылали.

Торн.

Его черный мундир с высоким жестким воротом и тяжелыми золотыми эполетами был явно неуместен в душной жаре помещения – конечно, тоже иллюзорной, но вполне ощутимой. А застывшая, негибкая, как само правосудие, фигура и молчание призрака противоречили блестящей, беззаботной атмосфере Двора.

Офелия отдала бы все на свете, лишь бы не видеть его здесь. Он верен себе: сейчас возьмет контроль над ситуацией и начнет диктовать ей линию поведения.

– Госпожа Беренильда и дамы с Анимы! – провозгласил церемониймейстер.

Все головы повернулись к Офелии в наступившей тягостной тишине, прерываемой только гусиным гоготом. Девушка сделала глубокий вдох. Вот он, наконец, момент ее вступления в игру.

И она найдет в ней свое место – без Торна, вопреки Торну.

Малышка

Офелия подошла к эстраде, чувствуя на себе взгляды, горевшие таким жгучим интересом, что она подумала: «Как бы мне сейчас не вспыхнуть!» Она сделала вид, будто бы не заметила фамильярное подмигивание Арчибальда, которым он приветствовал ее со своего места игрока, и стала подниматься по белым ступеням, сосредоточившись на одной-единственной мысли: «Мое будущее зависит от того, что будет разыграно здесь и сейчас».

Вероятно, из-за волнения, охватившего ее при виде Торна, из-за кружевной вуалетки, застывшей ей глаза, из-за шарфа, обмотавшего лодыжку, и всегдашней своей неуклюжести Офелия споткнулась на последней ступеньке. И наверняка рухнула бы всем телом на пол, если бы Торн не поймал ее на лету, схватив за плечо и силой поставив на ноги. Тем не менее эта оплошность ни для кого не прошла незамеченной: улыбка Беренильды на миг погасла, тетушка Розелина в ужасе закрыла лицо руками, а поврежденное ребро тут же отозвалось яростной, пульсирующей болью.

В игорном зале раздались смешки, но они мгновенно стихли, когда придворные заметили, что сам Фарук вовсе не находит ситуацию забавной. Он не шевельнул и пальцем с момента окончания игры и продолжал сидеть, облокотившись на столик, все с тем же выражением глубокой скуки на лице, словно не замечая фавориток в бриллиантах, так тесно прильнувших к нему, как будто они были естественным продолжением его тела.

Офелия даже забыла про Торна в тот миг, когда Дух Семьи устремил на нее непроницаемый взгляд бледно-голубых, почти белых глаз. И в самом деле, у

Фарука все было белым: длинные гладкие волосы, молодая неувядающая кожа, роскошное одеяние, – но в этот момент Офелия видела только его глаза. Духи Семей по самой своей природе поражали воображение. Каждый ковчег, за редким исключением, имел своего властителя. Всемогущие и бессмертные, они были корнями огромного всемирного генеалогического древа, общими прародителями всех больших Семей. В тех случаях, когда Офелия видела на Аниме свою прародительницу Артемиду, она чувствовала себя перед ней жалкой букашкой. Но это было несравнимо с тем ощущением, которое сейчас внушал ей Фарук. Хотя их разделяла протокольная дистанция, мощь Духа Полюса буквально довлела над девушкой, пока он смотрел на нее немигающими глазами статуи.

– Кто это? – спросил Фарук.

Офелия никак не могла упрекнуть его в забывчивости: во время их единственной встречи она стояла слишком далеко, была переодета лакеем, и они не перемолвились ни единым словом. Но она совсем растерялась, когда поняла, что вопрос касается одновременно и Торна, и Беренильды, на которых Фарук обратил свой бесстрастный взор. Офелия знала, что Духи Семей обладают скверной памятью, но чтобы до такой степени!.. Торн был суперинтендантом Небограда и всех провинций Полюса и в качестве такового отвечал за финансы и основную часть судебной системы. Что же до Беренильды, то она носила ребенка от Фарука.

– Где мой референт?

– Я здесь, монсеньор!

Молодой человек, с виду примерно ровесник Офелии, вынырнул из-за кресла Фарука. Он носил на лбу татуировку Паутины, и его белокурая красота делала честь этому клану.

– Монсеньор, господин посол испросил у вас аудиенцию для вашего интенданта Торна, его тетушки Беренильды и его невесты мадемуазель Офелии.

Референт изъяснялся мягко и терпеливо, поочередно указывая Фаруку на каждую упомянутую особу. Первым к нему подошел Арчибальд – в цилиндре, лихо нахлобученном на взъерошенные волосы. Офелия не сомневалась, что он

нарочно побрился так небрежно: чем торжественней был момент, тем более дерзко посол нарушал приличия.

– По какому поводу? – спросил Фарук, явно изнывая от скуки.

– По поводу уничтожения клана Драконов, монсеньор, – с ангельским терпением напомнил референт. – Речь идет о прискорбном несчастном случае, стоившем жизни вашим охотникам. Господин Арчибальд уже докладывал вам об этом сегодня утром. Извольте прочесть, монсеньор, вы сами записали это в вашем ежедневнике.

И референт вручил Фаруку блокнот-памятку с обтрепанными страницами – видно было, что его непрерывно листали. Фарук оторвал локоть от игорного столика и перевернул несколько страниц. Фаворитки приноравливались к каждому движению его тела, отодвигаясь, когда их руки ему мешали, чтобы тут же снова приникнуть к нему. Офелия наблюдала за этой сценой со смесью восхищения и брезгливости. Эти красавицы в бриллиантовых диадемах, бриллиантовых колье и бриллиантовых кольцах мало походили на нормальных женщин.

– Драконы погибли? – спросил Фарук.

– Да, монсеньор, – ответил референт. – Вы записали это на последней строчке.

– «Драконы погибли», – повторил Фарук, на сей раз читая запись. Он помедлил, застыв, как мраморный истукан, затем перевернул страницу. – «Беренильда принадлежит к клану Драконов». Это я записал вот здесь.

Фарук говорил медленно и раздельно, подчеркивая каждый слог. В его устах акцент Севера был подобен голосу урагана. Отдаленному, едва слышному, но от этого не менее грозному. Когда он оторвался от блокнота и поднял глаза, Офелия уловила в них гневные искры, которых не было еще миг назад.

– Где Беренильда?

Не произнеся ни слова, не сделав реверанса, Беренильда подошла к нему и поцеловала в щеку с нежностью любящей супруги. На сей раз Фарук мгновенно

узнал ее. Он ответил ей безмолвным взглядом, но Офелия почувствовала, что в их молчании было куда больше смысла, чем во всех речах на свете.

И тут о себе напомнил Торн: он громко щелкнул крышкой часов, разрушив очарование момента. Фарук зашевелился с медлительностью дрейфующего айсберга, взялся за перо, услужливо протянутое референтом, и добавил новую запись в свой блокнот. Офелия подумала: уж не пишет ли он «Беренильда жива», чтобы ненароком не забыть о ней?

– Итак, мадам, – заговорил Фарук, – вы потеряли всю вашу семью. Выражаю вам свои соболезнования.

В его глухом голосе не чувствовалось ни малейшего волнения, как будто он не сознавал, что в этой кровавой бойне погиб целый клан его собственных потомков.

– К счастью, я не единственная выжившая, – поспешила уточнить Беренильда. – Моя матушка в настоящий момент проходит лечение в санатории и ничего не знает об этом прискорбном событии. Что касается моего племянника, то он здесь, с нами, и вскоре собирается жениться. Так что продолжение рода Драконов нам обеспечено.

Офелии стало не по себе. Когда-нибудь позже она попытается объяснить Беренильде, что этот брак будет фиктивным и останется бездетным.

Из толпы придворных, стоявших вокруг эстрады, донесся протестующий ропот; особенно отчетливо прозвучало слово «бастард». Но Торн не снизошел до защиты своей чести. С его лба струился пот, а он пристально смотрел на циферблат часов, словно хотел подчеркнуть, что напрасно теряет время.

– Вот почему я испросил аудиенцию, – с широкой улыбкой сказал Арчибальд. – Хотите вы того или нет, дорогая Беренильда, но ваш племянник никогда не считался своим у Драконов, а ваша матушка очень немолода. Через какое-то время вы останетесь единственной представительницей своего клана. Это ставит под вопрос ваше положение при Дворе. Надеюсь, вы со мной согласны?

Его тирада была встречена тихими аплодисментами. Арчибальд, как достойный представитель посольского сословия, ясно выразил вслух то, о чем втайне думал

каждый из присутствующих. Офелия обернулась, услышав за спиной стук пишущей машинки: секретарь фиксировал все, что здесь говорилось.

– Именно по этой причине, – звонко продолжал Арчибальд, – я и предложил мадам Беренильде и мадемуазель Офелии официальное покровительство и дружбу моей семьи.

Это заявление ошеломило аудиторию; аплодисменты тотчас стихли. Прежде Миражам было неизвестно, что Беренильда и клан Паутины заключили союз.

– Разумеется, речь идет о дипломатической дружбе, а не о военном союзе, – уточнил Арчибальд так весело, словно отпускал забавную шутку. – Паутина намерена заботиться о том, чтобы с обеими дамами не случилось ничего дурного, но при этом будет соблюдать политический нейтралитет и обязуется не участвовать во всяких «нечаянных» убийствах из-за угла. Итак, мы официально заявляем, что не намерены посягать ни на чью жизнь или препоручать это третьим лицам.

Офелия была поражена той небрежной легкостью, с которой Арчибальд затронул столь важную тему. И еще она отметила, что он умолчал о главном залоге так называемой дружбы – о том, что Беренильда официально назвала его крестным своего будущего ребенка.

– Однако сила моего клана имеет определенные границы, монсеньор, – объявил Арчибальд, обращаясь к Фаруку. – Не соблаговолите ли вы взять этих дам под свое покровительство здесь, при Дворе?

Фарук едва слушал посла. Он сидел в расслабленной, скучающей позе, вяло перелистывая блокнот и не обращая внимания на окружающих.

Офелия вдруг обнаружила, что не может двинуть рукой; тут же она поняла, что ее плечо крепко сжимает Торн. Он так и не ослабил хватку с того момента, как она споткнулась, и сжал ей плечо еще сильнее, когда Фарук перестал листать блокнот, и его белые брови медленно поползли вверх.

– Чтица. Я написал здесь, что Беренильда приведет мне чтицу. Где же она?

– Она здесь, монсеньор, – сказал референт, указав на Офелию. – Здесь, рядом со своим женихом.

«Вот оно», – подумала Офелия, стиснув руки, чтобы унять их дрожь.

– Так, – сказал Фарук, закрывая блокнот. – Значит, это она.

В оранжерее воцарилась мертвая тишина, когда он подошел к Офелии и присел перед ней на корточки, как взрослый перед маленьким ребенком. Девушка не была готова к такой аудиенции – лицом к лицу.

Фарук бесцеремонно поднял ее кружевную вуалетку. Он долго, внимательно изучал ее черты, а она боролась с желанием вырваться и удрать подальше. Духовная магнетическая мощь Фарука так властно подчинила себе тело и душу девушки, что у нее помутилось в глазах, а голову пронзила дикая боль.

– Она поранена, – разочарованно констатировал он, словно обнаружил изъян в купленном товаре.

Секретарь усердно забарабанил по клавишам машинки, фиксируя эти слова.

– И, кроме того, – продолжал Фарук, – я не люблю таких малышей.

Теперь Офелия начала понимать, почему никто не намекнул Фаруку на беременность Беренильды. И девушка набрала побольше воздуха в грудь: если сейчас она смолчит, все ее будущее окажется под угрозой. Бросив быстрый взгляд на тетущку Розелину, которая знаками приказывала ей говорить откровенно, она посмотрела прямо в лицо Фаруку, в это нечеловечески красивое лицо, заставляя себя не отводить глаза.

– Меня, наверно, нельзя назвать большой, монсеньор, но я уже не малышка.

Тоненький голосок Офелии звучал так слабо, что ей часто приходилось повторять сказанное, но сейчас она напрягла его, сколько хватило сил. Эти слова были обращены не только к Фаруку, но и к Торну, и к Беренильде, и к Арчибальду, ко всем, кто имел скверную привычку обращаться с ней как с неразумной девчонкой.

Фарук задумчиво потер нижнюю губу, потом раскрыл свой блокнот на первых страницах. Офелия стояла достаточно близко, чтобы разглядеть – правда, в опрокинутом виде, – его неуклюжий почерк и великое множество рисунков. Фарук задержался на изображении человечка с тоненькими ручками-палочками, ярко-оранжевыми кудрями и в больших очках.

– Это Артемида, – протяжно пояснил он. – Поскольку она моя сестра и ваш Дух Семьи, вы, видимо, доводитесь мне двоюродной пра-пра-пра-пра-правнучкой. Да, именно так, – заключил он, поглядывая на рисунок, – я полагаю, что вы слегка напоминаете мне ее. Особенно из-за очков.

Офелия подумала: интересно, когда Фарук видел свою сестру в последний раз? Артемида совсем не походила на этот беспомощный рисунок и не носила очки. Духи Семей никогда не покидали свои ковчег. Вероятно, они провели вместе детство – в давние времена, еще до Раскола – но вряд ли сохранили об этом ясные воспоминания. Они не были наделены памятью – возможно, в силу своего невероятного долгожительства, – и это окружало таинственным ореолом их прошлое, которое было и прошлым всего человечества. Даже Офелия, при всем своем таланте чтицы, ничего не знала об их личной истории. Иногда она спрашивала себя: да были ли у них самих родители в ту древнюю эпоху?

– Итак, малышка Артемида, – продолжал Фарук, – вы умеете читать прошлое вещей?

– К сожалению, это единственное, что я умею делать, монсеньор, – вздохнув, сказала Офелия.

Да, она это умела. А еще умела проходить сквозь зеркала, однако второе было как-то трудно уложить в рамки профессиональных достоинств.

– Вы об этом не пожалеете.

Глаза под нависшими веками Фарука вдруг живо блеснули. Невыносимо медленным движением он сунул руку за пазуху своей роскошной мантии и извлек оттуда книгу в переплете, украшенном драгоценными камнями. В руках Фарука она выглядела крошечной, как записная книжка; в сравнении же с ростом Офелии была огромной, как энциклопедия.

– Значит, вы сможете прочитать мою Книгу.

При виде этого предмета Офелия испытала одновременно и страх, и острое любопытство. Прежде она считала, что существует только одна такая Книга, на Аниме, в личном Архиве Артемиды. Это был столь необычный и древний документ, что лучшим чтецам ковчега, в том числе и Офелии, так и не удалось его расшифровать. Очутившись на Полюсе, девушка обнаружила, что Книги существуют и на других ковчегах. Но она также узнала еще одно: Книга Фарука – главный залог ее брака.

Когда Офелия своими глазами увидела Книгу, от которой зависела ее судьба, руки девушки инстинктивно к ней потянулись. Может быть, раскрыв эту тайну, она вырвется на свободу?

– Нет, не она!

Мрачный возглас прозвучал как похоронный колокол. Торн впервые с самого начала церемонии подал голос. Он словно ждал именно этого момента.

– Не она! Я!

Фарук, все еще сидевший на корточках с Книгой в руках, поднял глаза на Торна, недоуменно мигая, словно внезапно разбуженный человек.

– Я прочту вашу Книгу, – повторил Торн непререкаемым тоном. – И это произойдет, когда мне передастся дар моей жены и когда я научусь им пользоваться. Так записано в нашем договоре.

Торн спрятал свои часы, сунул руку во внешний карман кителя и резким взмахом развернул бумагу с печатью. Вторая его рука по-прежнему крепко сжимала плечо невесты. Офелия знала, что этот жест свидетельствует вовсе не о любви или заботе. Торн недвусмысленно дал понять Фаруку и придворным: он, и только он имеет исключительное право на ее дар чтицы.

Офелия содрогнулась всем телом. Из множества открытий, сделанных ею на Полюсе, это оказалось самым отвратительным. Церемония передачи Дара была частью свадебного ритуала, во время которого супруги обменивались своими

волшебными свойствами. Торн сознательно скрывал от Офелии, что организовал их свадьбу с единственной целью – перенять от нее свойство читать вещи и самому выступить перед Фаруком в роли чтеца. От матери он унаследовал сверхъестественную память и надеялся, что она, в сочетании с даром Офелии, поможет ему пройти вспять по времени достаточно далеко, чтобы расшифровать Книгу Фарука.

Торна не интересовала историческая ценность этого документа, он заботился только об удовлетворении собственных амбиций.

– Возьмете ли вы под свое покровительство мою невесту и мою тетку до самого дня свадьбы? – настойчиво повторил Торн. – А также всех жителей Анимы, которые прилетят на Полюс, дабы укрепить добрые дипломатические отношения между нашими ковчегами?

Северный акцент в устах Торна сейчас звучал еще более резко, чем обычно. Чувствовалось, что ему невыносимо трудно просить Фарука о милостях. Беренильда же хранила спокойное молчание. Нужно было уж очень хорошо знать эту женщину, чтобы уловить в ее медовой улыбке скрытую тревогу.

Офелии казалось, что все они вместе разыгрывают комедию на сцене театра, перед публикой, которая только и ждет малейшей оплошности, чтобы освистать их. Каждое слово, каждая интонация, каждый жест приобретали здесь особую значимость. Но на этой театральной сцене Торн был самым главным ее соперником. По его вине она всегда будет выглядеть всего лишь бледной тенью супруга.

Фарук с мрачной миной перечитал статьи договора, который вручил ему Торн, потом спрятал Книгу за пазухой и стал медленно, мускул за мускулом, сустав за суставом, распрямляться, пока не поднялся во весь рост. Уж на что Торн был великаном, но Фарук рядом с ним выглядел гигантом.

– Раз она только и умеет, что читать, а я не могу заставить ее читать, – сказал он отдельно, – то чем она может быть мне полезна? Я держу в своем окружении только тех, кто умеет меня развлекать.

Вот он, решающий момент: теперь или никогда! Офелия шагнула вперед, заставив Торна отпустить ее плечо, и подняла глаза, принуждая себя смотреть

Фаруку прямо в лицо. Это причиняло невыносимую боль – ну и пусть, тем хуже!

– Монсеньор, я не умею развлекать, но могу быть вам полезной иначе. На Аниме я заведовала музеем и могу открыть такой же здесь. Музей – это как память, – многозначительно сказала она, подчеркнув последнее слово. – Почти как ваш блокнот.

Офелия не могла видеть выражение лица Торна – он стоял позади нее, – но зато хорошо разглядела лицо Беренильды, с которого сошла улыбка. Попросив девушку произвести хорошее впечатление на Духа Семьи, она уж точно подразумевала не это. Офелия постаралась не обращать внимания на перешептывание шокированных придворных, теснившихся вокруг эстрады. Своим предложением она, вероятно, нарушила добрую половину правил этикета.

– Что это за музей, которым вы заведовали? – спросил Фарук.

– Музей древней истории, – объяснила Офелия, радуясь тому, что разбудила его любопытство. – Все, что имело отношение к прежнему миру. И я, разумеется, могу адаптировать его к вашим историческим источникам.

Фарук и впрямь выглядел заинтересованным, и на какой-то момент Офелия вообразила, что ей удалось завоевать себе музей, независимость и свободу. Она не поверила своим ушам, когда услышала ответ, тотчас запечатленный пишущей машинкой секретаря:

– Значит, истории... Прекрасно, малышка Артемида, вы будете рассказывать мне истории. Такова цена покровительства, которое я согласен вам оказывать – вам и вашей семье. Назначаю вас своей вице-рассказчицей.

Договор

Офелия спустилась с эстрады, волоча за собой шарф, обмотавший ногу, и тут же зажмурилась от яркой вспышки: ее сфотографировали впервые в жизни, причем именно в тот момент, когда она, оглушенная всем случившимся, выглядела вконец растерянной. Фотограф, выскочивший из-за своего черного аппарата,

окутанного дымом магна, кинулся ей навстречу. Это был один из Миражей, с лысой, гладкой, как яйцо, головой; он возбужденно пыхтел – ни дать ни взять кипящий котелок.

– Мадемуазель анимистка! Я Чернов, шеф-редактор «Nibelungen», самой читаемой газеты Небограда. Не могли бы вы ответить на несколько вопросов? Наш монсеньор только что назначил вас вице-рассказчицей, – затараторил он, не дожидаясь согласия Офелии на интервью. – Чувствуете ли вы себя способной соперничать с блистательным Эриком, нашим прославленным рассказчиком? Вам понадобится огромный талант, чтобы выступать на одной сцене с автором таких потрясающих пантомим. За сорок лет представлений никому не удалось затмить этого артиста! Какой же стратегии вы намерены придерживаться, чтобы отвоевать свое место под солнцем?

Офелию тут же бросило в жар. Значит, вдобавок ко всему ей придется выступать на сцене, перед публикой?!

Паника девушки усугублялась еще и тем, что придворные смотрели на нее с холодным презрением, ожидая ответа. Но через минуту, к великому ее облегчению, все они мгновенно утратили к ней интерес: на эстраде Фарук возложил диадему на голову Беренильды, и Миражи приветствовали эту коронацию вежливыми протокольными аплодисментами.

Глядя на Беренильду в сверкающем уборе, с зардевшимся лицом и блестящими глазами, Офелия подумала: она похожа на восточную царицу. Впрочем, на царицу ли? Нет. На фаворитку.

– Мне ее жаль! – объявила тетушка Розелина, которой наконец удалось протиснуться к Офелии сквозь толпу. – Наверно, трудно любить человека, которому требуется обвешать женщину бриллиантами, чтобы не забыть о ней.

– Она согласилась на это ради меня, – прошептала Офелия. – Монсеньор Фарук оградит меня от своих придворных, а Беренильда оградит меня от монсеньора Фарука.

– Честно говоря, тебя я жалею еще больше, чем ее. Я и прежде знала, что господин Торн не очень-то чувствителен, но нужно быть бессердечным истуканом, чтобы видеть в тебе всего лишь пару рук. Ты почему так

побледнела? – встревожилась тетушка Розелина. – У тебя болит бок?

Офелия сорвала со шляпы вуалетку: ей надоело смотреть на мир сквозь кружева.

– Нет, у меня болит душа от собственной глупости. Наши родственники должны прилететь со дня на день, а их безопасность будет зависеть от моего выступления на сцене. Вы можете представить меня в роли рассказчицы?

Озадаченная этим вопросом, тетушка Розелина захлопала глазами, а потом схватила Офелию за плечи.

– Давай сбежим от придворных, пока они пялятся на церемонию, и подождем Беренильду где-нибудь снаружи. Только ради бога, смотри, куда ставишь ноги, – твой шарф что-то совсем взбесился.

Офелия бросила последний взгляд на эстраду, куда ринулись придворные, спешившие поздравить Беренильду. Там же стоял и Торн, который, в отличие от всех, не обращал никакого внимания на свою тетку: он тщательно изучал напечатанный протокол, который поднес ему секретарь. Офелия отвернулась, когда Торн поднял глаза, блеснувшие как сталь, и взглянул на нее поверх печатного листа.

– Что-то не похоже на пылкую любовь, не правда ли?

Женщина, проворковавшая эти слова, подошла к Офелии, выйдя из-за пальм оранжереи. Ее массивное тело было окутано полупрозрачным покрывалом с золотыми подвесками, вероятно, ужасно тяжелыми. Офелии стало не по себе, когда она увидела на ее веках татуировку Миражей. И совсем уж она испугалась, когда та бесцеремонно обхватила руками ее лицо и впилась взглядом в ее раны.

– Неужто господин Торн вас так разукрасил, голубка моя?

Офелии очень хотелось ответить, что это единственная вещь на свете, в которой Торн неповинен, но вместо ответа она, не удержавшись, чихнула: от женщины исходил резкий навязчивый запах духов.

– С кем имеем честь? – осведомилась тетушка Розелина.

– Меня зовут Кунигунда, – представилась женщина, не отрывая взгляда от Офелии. – Я просто в восторге от того, что вы попытались сделать на эстраде, голубка моя. Мы с вами очень похожи.

Золотые подвески Кунигунды зазвенели как колокольчики, когда она подняла руку и указала на одного из Миражей, который заметно выделялся в толпе придворных своей дородной фигурой и величественной осанкой. Благодаря умелой иллюзии его редингот[2 - Редингот – длинный сюртук широкого покроя.] переливался всеми цветами радуги. Офелия легко узнала в нем барона Мельхиора. Она не раз встречала его в коридорах Лунного Света, когда служила там Беренильде под личиной лакея.

– Вам ненавистен господин Торн, – прошипела Кунигунда на ухо Офелии, – а мне – мой братец Мельхиор, барон-золотые-руки! Великий иллюзионист-кутюрье! Министр элегантных искусств! Он даже награжден орденом Искусств и Иллюзий за свои заслуги перед правящей Семейей. Мельхиор всегда был на виду и в почете, тогда как меня вечно задвигали в тень. И знаете почему, голубка моя? Потому что эти господа полагают, что лишь они, и только они способны управлять всем на свете там, наверху.

– И что мы должны сделать, чтобы выйти из тени? – спросила Офелия, пораженная в самое сердце откровениями Кунигунды.

– Объединить наши силы, голубка моя. Ну зачем нам враждовать из-за дурацких клановых различий? Мы прежде всего женщины. Более того, женщины решительные и предприимчивые!

– Ну наконец-то я слышу разумные речи, – вмешалась тетушка Розелина. – Я с вами полностью согласна, милая дама. Я вернулась бы на Аниму со спокойной совестью, если бы знала, что моя племянница способна самостоятельно управляться со своими проблемами. А каким видом искусства занимаетесь вы сами?

Пунцовые губы Кунигунды искривила загадочная усмешка.

– Я владею «Иллюзиями», заведениями развлекательных иллюзий, если это что-нибудь вам говорит. Иллюзии такого рода я называю «приятными уладами». И, поверьте, они предназначены не только для мужчин.

По тому, как испуганно тетушка Розелина вытаращила глаза, Офелия поняла, что Кунигунда уже перестала быть для нее «милой дамой».

– В окружении нашего монсеньора Фарука есть только два вида женщин: те, кто готов оказывать любовные услуги, и те, кто готов на все другие услуги. Если вы не сможете его развлечь, вам здесь не выжить. Могу ли я взглянуть на ваши ручки, голубка моя?

Растерянная Офелия, поколебавшись, сняла перчатки чтицы. Кунигунда провела своими багровыми, острыми, как лезвия бритвы, ногтями по линиям ее ладони.

– Какие маленькие ручки и какие... обыкновенные! Подумать только, ведь они наводят страх на весь Небоград!

– Из-за Книги монсеньора Фарука? – удивилась Офелия.

Кунигунда хитро сощурилась, показав целиком татуировку на веках.

– Для вас ни один предмет не составляет тайны. Иначе говоря, вы способны прочесть все дворцовые секреты, а их тут несметное множество, можете мне поверить.

Теперь Офелия уже внимательней посмотрела на придворных, наполнявших Сад для игры в гусёк: даже издали было заметно, что на нее бросают враждебные взгляды. Особенно нервничали дамы, тревожно проверяя детали своих нарядов, словно какая-нибудь потерянная булавка грозила им разоблачением.

– Я предлагаю вам сделку, голубка моя, – продолжала Кунигунда, сжимая руки Офелии. – Я подарю вам свои лучшие иллюзии и гарантирую зрелища, с которыми не сравнятся даже представления нашего знаменитого рассказчика. А вы за это, – сказала она, понизив голос, – поработаете для меня, когда понадобится, своими волшебными пальчиками.

Кунигунда стояла так близко к Офелии, что у той першило в горле от запаха ее духов, как от серных испарений вулкана.

– Благодарю вас за предложение, – ответила девушка, подавляя кашель, – но я вынуждена его отклонить. Я никогда не читаю предметы без согласия их владельцев.

Усмешка Кунигунды стала еще шире, а ее ногти больно вонзились в ладони Офелии.

– Вы отказываетесь?

– Отказываюсь, мадам.

– Что ж, похоже, я в вас ошиблась. Мне-то показалось, что я видела на эстраде честолюбивую особу. Позвольте дать вам совет, голубка моя. – (Кунигунда еще глубже вонзила ногти в руки Офелии, и встревоженная тетушка Розелина невольно дернулась, чтобы вмешаться.) – Никогда не говорите «нет» Миражам.

– Это что, угроза?

Вопрос исходил от незаметно подошедшего Арчибальда. Он стоял, сунув руки в дырявые карманы своего редингота, в небрежно нахлобученном цилиндре. Его сопровождали две старухи в робронах[3 - Роброн (ист.) – женское платье с очень широкой юбкой на обручах.] с широкими черными юбками, походившими на пару погребальных колоколов.

Кунигунда тотчас выпустила руки Офелии.

– О, нет, всего лишь совет, господин посол, – ответила она, обращаясь больше к старухам, чем к Арчибальду. – Просто совет.

С этими словами Кунигунда удалилась под звон своих подвесок, бросив на Офелию многозначительный взгляд.

– Я смотрю, вы времени даром не теряете, невеста Торна! – со смехом воскликнул Арчибальд. – Не успели явиться ко Двору, а уже нажили себе врага в

лице этой дамы. И еще какого врага! На свете нет никого страшнее уязвленной артистки.

Офелия снова натянула перчатки, морщась от боли: Кунигунда безжалостно расцарапала ее ладони своими ногтями.

– Почему уязвленной? – спросила она.

Арчибальд вынул из кармана редингота красивые голубые песочные часы. Офелии уже было знакомо назначение этого предмета, хотя сама она никогда им не пользовалась. Стоило потянуть за колечко, как механизм приходил в действие и переносил владельца часов в райские кущи на все время, что песок сыпался вниз. «Представь себе самые волшебные краски, самые дурманящие ароматы, самые прекрасные видения! – объяснил ей когда-то Ренар. – В общем, царское удовольствие, иллюзия, которой никогда не насладишься сполна, по которой будешь тосковать всю оставшуюся жизнь».

– Дела мадам Кунигунды идут неважно, – объяснил Арчибальд. – Ее «Иллюзионы» разоряются один за другим, с тех пор как наша дорогая Хильдегард ввела в обиход эти голубые часики. Ну какой аристократ рискнет у всех на виду посещать ее сомнительные заведения, если ему достаточно дернуть за колечко незаметно, у себя дома?! А теперь позвольте мне представить вам ваш эскорт, – сказал он, внезапно сменив тему. – Я обещал нашей дорогой Беренильде обеспечить вашу защиту. Вот она!

И Арчибальд театральным жестом указал на пару безмолвных старух, стоявших сзади. Их выцветшие глаза, между которыми красовалась татуировка клана Паутины, были устремлены на Офелию с профессиональным бесстрашием.

– И вот эти дамы будут нас защищать?! – вознегодовала тетушка Розелина. – Разве жандармы не были бы более эффективны?

– Вам предстоит жить в Гинекее[4 - Гинекей (ист.) – в Древней Греции – женская половина в задней части дома, закрытая для всех мужчин, кроме хозяина.], как и всем фавориткам нашего монсеньора. – объяснил Арчибальд. – А мужчинам вход туда запрещен. Не волнуйтесь, мои Валькирии – самые надежные гаранты вашей безопасности.

Офелия во все глаза смотрела на старух. Она слишком долго прожила в Лунном Свете, чтобы не знать о них из разговоров слуг. Эти женщины в обязательном порядке присутствовали в свитах дипломатов: примечали каждую мелочь, внимательно слушали каждое слово. У них была телепатическая связь с другими членами Паутины, и некоторые из этих последних обязаны были бодрствовать круглые сутки, записывая все, что видели и слышали Валькирии. Особы, состоявшие под наблюдением Валькирий, могли чувствовать себя в полной безопасности. Но такой охраны удостоивался далеко не каждый аристократ.

Офелия поправила очки и внимательно посмотрела в глаза Арчибальду. Это было все равно что смотреть через два окошка в лазурное небо.

– Боюсь, что я стала жертвой ужасного недоразумения. Я не способна рассказывать истории. Господин посол, вы предложили мне свою дружбу, так не могли бы вы исправить эту ошибку?

Арчибальд с полуогорченной, полуиронической улыбкой замотал головой. Если забыть о его всклокоченной шевелюре, недобритой щетине и драной, небрежно заплатанной одежде, он был красив до неприличия.

– Простите за выражение, невеста Торна, но – что посеешь, то и пожнешь. Особенно в случае с Фаруком.

– Да я просто не успела объяснить ему все как следует. Если бы я могла подробно рассказать о моих планах...

– О ваших планах? – усмехнулся Арчибальд. – Вы имеете в виду эту смехотворную затею с музеем? Забудьте об этом сию же минуту, вам никогда не удастся заинтересовать наших придворных такой скукотищей.

Тетушка Розелина едва не задохнулась от возмущения:

– Да вы... вы просто неотесанный грубиян!

Арчибальд со смехом повернулся к ней. Оскорбление его только развеселило.

– Нет, тетя, он прав, – сказала Офелия.

В ярком свете оранжереи стал виден налет пыли на ее очках. Она сняла их, вытерла о красивое платье – подарок Беренильды, – не заботясь о том, что помнет этот роскошный наряд, и начала размышлять, кляня себя за глупость. У нее было столько недель, чтобы измыслить новые планы, новые возможности, а она продолжала цепляться за свою прошлую жизнь! Но тут Арчибальд прервал ее размышления.

– Я хотел бы, чтобы вы внимательно взглянули на это, – предложил он. – Я «одолжил» их у церемониймейстера.

Он вынул из кармана две красивые игральные кости, которыми пользовался во время игры в гусёк, и протянул Офелии. Но тетушка Розелина успела выхватить их, прежде чем они попали в руки племянницы. Старушка видела достаточно непристойностей в покоях Арчибальда и не могла допустить, чтобы он коснулся ее хоть пальцем.

Офелия взглянула на кости: на них не было ни одной цифры.

– Теперь понимаете, невеста Торна? Они не настоящие. Церемониймейстер – член клана Миражей, и он сам решает, какие цифры должны появиться на костях, которые бросают игроки.

– Значит, по его вине ваш слуга всякий раз падал в люк? – прошептала Офелия, пораженная этим открытием.

– Фарук всегда выигрывает. Предложи вы ему открыть сырную лавку, он тут же превратил бы ее в кондитерскую.

В эту минуту из оранжереи донесся радостный гомон. Офелия не видела игровую площадку – ее заслоняли фонтаны и пальмы, – но поняла, что игра возобновилась. Новая партия с новыми фальшивыми костями.

– Будь я похитрее, – заметила она, вспоминая маневр графа Бориса, который дождался победы Фарука, чтобы выпросить имение, – мне следовало бы предложить ему прочитать его Книгу, вместо того чтобы просить о музее. А я так глупо позволила Торну обойти меня!

Арчибальд изумленно раскрыл глаза и рот.

– Пойдите... неужели вам не рассказали, что случилось с чтецами, которые побывали здесь до вас?

– Мне сообщили, что все они потерпели неудачу и что монсеньор Фарук был очень разгневан. Но я могла бы попытаться. Я плохо разбираюсь во многих вещах, но что касается экспертиз, делаю их прекрасно.

– Так вот, откажитесь от этой затеи, – решительно сказал Арчибальд. – Я только что наблюдал за вами там, на эстраде. Вы чуть не упали в обморок от одного лишь взгляда Фарука. А теперь представьте себе, что с вами будет, если он обрушит на вас свой гнев. Я часто видел, как люди истекали кровью и впадали в безумие после того, как разочаровали его. Наш Дух Семьи не способен контролировать свою силу.

Офелия попыталась стряхнуть с ноги шарф, который упрямо обвивал ее лодыжку. Если Арчибальд хотел напугать девушку, то он достиг цели.

– Откажитесь от Книги, – настаивал посол. – Моя семья чуть не разорилась, оплачивая услуги лучших экспертов, призванных ее расшифровать, – филологов, чтецов и всех прочих. Из чего я сделал один, но окончательный вывод: Книга не поддается разгадке. Ее невозможно датировать, поскольку она не сопряжена со временем. Ее невозможно перевести, поскольку ее язык не имеет аналогов.

– Артемида, наш Дух Семьи, хранит такую же Книгу в своей личной коллекции, – вставила Офелия. – Значит, подобными Книгами владеют все Духи Семей?

– Трудно сказать, у каждого ковчега есть свои маленькие секреты, – ответил Арчибальд, загадочно улыбаясь. – Но послушайте моего совета: предоставьте Торну сломать себе шею на этой задаче. Из вас получится очаровательная вдовушка.

Несмотря на жаркое искусственное солнце, Офелия содрогнулась. Она поочередно взглянула на каждую из Валькирий, которые с холодным спокойствием, очень внимательно слушали их, и спросила, понизив голос:

– А почему монсеньор Фарук настолько одержим своей Книгой?

Арчибальд разразился таким хохотом, что его цилиндр свалился на лужайку.

– Этот вопрос, невеста Торна, – сказал он, отдышавшись, – вероятно, единственное, что объединяет вас со всеми обитателями Полюса. Книга Фарука – навязчивая идея Фарука. Я уже сказал вам и повторяю еще раз: никогда – вы слышите? – никогда не заговаривайте с ним об этом.

Арчибальд поднял свой цилиндр, повертел его на пальце и нахлобучил на голову шутовским движением клоуна. Тем не менее Офелия отнеслась к его словам вполне серьезно. Пусть он был провокатором или фигляром, но хотя бы говорил с ней искренне.

– Я встретила здесь не так много людей, которые пекутся о моих интересах. Благодарю вас, господин посол.

– О, не спешите с благодарностью. Чем больше я вас просвещаю, тем больше вы мне обязаны. И в один прекрасный день я смогу предъявить вам счет.

– Чем обязана? Какой счет? – удивилась Офелия. – Вы ведь предложили мне свою дружбу.

– Вот именно. А счет дружбы не портит. Но не беспокойтесь: вы получите такое удовольствие от расплаты, что поспешите снова залезть в долги.

Офелия была шокирована: единственная искренняя помощь, на которую можно было рассчитывать при Дворе, исходила от такого корыстного человека! Он проводил время, флиртуя с замужними дамами; не будь Офелия обручена с Торном, он даже не взглянул бы на нее.

– Я тебя предупреждала: берегись сомнительных знакомств! – вскричала тетюшка Розелина, пожелтев от возмущения еще больше, чем обычно. – Господин посол, отныне я прослежу за тем, чтобы вы держались подальше от моей племянницы!

Улыбка Арчибальда, словно резиновая, стала еще шире.

– Не хочу вас огорчать, мадам Розелина, ибо я уже оценил ваши достоинства, но вам не всегда удастся быть рядом с этой юной особой. Так же, как и вам, господин интендант.

Офелия обернулась так резко, что у нее перехватило дыхание от боли в поврежденном ребре. Прямо за ее спиной посреди лужайки стоял Торн. Он высился над ней, как монумент; в руке у него был лист бумаги с печатным текстом. Офелия никогда не видела его в благостном настроении где бы то ни было – ни в одном доме, ни за одним столом, ни в одной компании, – но сейчас констатировала, что в этом экзотическом саду он выглядит особенно мрачным. Резкий свет подчеркивал два шрама на его лице, светлые волосы взмокли от пота. Вероятно, он задыхался в своем плотном мундире, но вместо того чтобы разомлеть от жары, напротив, казался застывшим, как лед, с головы до ног.

Торн протянул лист Офелии, высокомерно игнорируя Арчибальда, словно его здесь и не было.

– Я пришел вручить вам ваш договор.

– Только избавьте меня от своих комментариев, – сердито сказала Офелия, почти вырвав бумагу у него из рук.

Она боролась с Торном и позорно проиграла. Теперь ей хватило бы малейшего упрека, малейшей насмешки, чтобы дать волю обуревавшему ее гневу.

Но Торна слова невесты ничуть не смутили.

– Хочу также сообщить вам, что я наладил телеграфную связь с вашими родными. Мне удалось всех успокоить и перенести их приезд на более поздний срок.

Вот это оказалось самой приятной новостью за весь день. Тем не менее Офелия восприняла ее как еще одно оскорбление:

– А вам не пришло в голову, что я была бы счастлива присутствовать на этом сеансе связи? Со дня нашего отъезда мои родные не получили ни одного письма. Вы хоть понимаете, в какой изоляции мы с моей тетей очутились тут по вашей

милости?

– Я принял срочные меры, – ответил Торн, по-прежнему не обращая внимания на Арчибальда, который прямо-таки наслаждался перепалкой. – Присутствие ваших родных на Полюсе в настоящий момент было бы крайне опасным как для них, так и для нас. Я прослежу за тем, чтобы в дальнейшем ваши письма доходили по назначению.

– А где же ваш собственный договор? – осведомилась Офелия. – Имею ли я право ознакомиться с ним, или это тоже не мое дело?

Торн и до того говорил, хмурясь, но последний вопрос Офелии заставил его помрачнеть еще больше. Он вынул из внутреннего кармана кителя конверт.

– Я приготовил для вас дубликат. Держите его при себе постоянно и предъявляйте Фаруку при любом удобном случае.

Офелия распечатала конверт, тут же выронила лист бумаги, который в нем лежал, подобрала его с травы и внимательно прочитала. Это была копия договора Торна с Фаруком. В нем было зафиксировано всё: обязательство обручения с чтицей Анимы (имя Офелии там предусмотрительно не указывалось), дата свадьбы (3 августа) и даже запланированная на ноябрь дата чтения Книги. Из этого документа следовало, что невеста, выбранная Торном, не имеет никакого отношения к данному договору. Очки Офелии потемнели, когда она дошла до параграфа «Вознаграждение за чтение Книги»:

«В случае успеха г-н Торн официально получит титул знатной особы, а его статус бастарда будет аннулирован и признан не имевшим места».

У Офелии сжалось сердце. Все амбиции Торна заключались в этих строчках. Он оторвал ее от семьи и подверг ее жизнь опасности лишь для того, чтобы выбиться в аристократы. О Беренильде в контракте не было ни слова: он даже не подумал о своей родной тетке, которая много раз рисковала собственным положением, лишь бы помочь ему добиться успеха.

Торн ни о ком не заботился – что ж, Офелия решила больше не заботиться о нем.

– Когда-нибудь я уплачу по счету, – объявила она Арчибальду. – Дайте мне только время, чтобы выбрать способ отблагодарить вас, и я постараюсь расплатиться сполна.

У Арчибальда имелся в запасе целый набор всяких улыбок, но Офелия никогда еще не видела такой растерянной, словно его крайне смутило ее обещание. Однако это длилось всего один миг, после чего он лихо щелкнул по своему цилиндру.

– Мне не терпится дожить до этого, невеста Торна! А пока позвольте откланяться. Я слишком долго отсутствовал в Лунном Свете, – пояснил он, ткнув пальцем в татуировку на лбу. – А без кота, знаете ли, мышам раздолье.

Под мышами он разумел своих сестер, которых заботливо оберегал от светских соблазнов. Лихо развернувшись, он чуть не сбил с ног тетушку Розелину, стоявшую у него на дороге. Сейчас всё в ней: надменно вздернутый подбородок, суровое выражение длинного лошадиного лица, крошечный пучок волос, торчащий на макушке, и руки, чопорно сложенные на строгом платье, – делало ее воплощением оскорбленного женского достоинства.

– Господин посол, вы похотливы, как мартовский кот. Я солгала бы, сказав, что питаю расположение к господину Торну, – заявила она, бросив взгляд на означенного господина, который в данный момент интересовался только своими часами, – но он все-таки ее законный жених. Назовите хоть один убедительный довод, чтобы я могла позволить вам встречаться далее с моей племянницей.

– Ручаюсь, что вы позволите мне встречаться с вашей племянницей, – самоуверенно ответил Арчибальд, – более того, вы первая попросите меня об этой встрече.

И пока возмущенная тетушка Розелина подыскивала слова для отпора, он нагнулся и чмокнул ее в щеку. Офелия затаила дыхание. Ее тетка даже поцелуй руки расценивала как непристойность, и уж, конечно, сейчас ответит на такую фамильярность здоровенной пощечиной.

Однако ничего подобного не произошло. Офелия не поверила своим глазам, когда желтое лицо тетушки Розелины окрасил нежный румянец, а суровость сменилась бурным волнением. Она смотрела на Арчибальда так, будто он вознес

ее в райские кущи.

Тем временем Арчибальд отдал прощальный поклон тетушке Розелине, Валькириям и Офелии, а затем исчез за пальмами, весело крутя на ходу свои голубые часики на цепочке.

- Тетя, вы... хорошо себя чувствуете? - испуганно спросила Офелия.

И в самом деле, Розелина как будто помолодела сразу лет на двадцать.

- Что? - пробормотала она. - Ну разумеется, я прекрасно себя чувствую, что за глупый вопрос! - И добавила, нервно обмахиваясь веером: - В этой оранжерее задохнуться можно от жары. Давай выйдем.

Офелия растерянно глядела ей в спину. Понятно, что все придворные дамы уступают обаянию Арчибальда, но чтобы ему поддалась ее родная тетка!..

- Я думаю, брать в союзники Арчибальда - плохая идея, - объявил Торн, заводя свои часы.

Офелия подняла голову и спросила, стараясь собрать последние остатки вежливости:

- Предположим. Это все, что вы хотели мне сказать?

- Нет.

Теперь, когда они остались одни, стальной взгляд Торна совсем оледенел. Офелия ждала чего-то подобного. После того как девушка публично, перед самим Фаруком, встала на пути у жениха, она не надеялась избежать упреков и внушений.

- Так объясните же! - нетерпеливо потребовала она. - И давайте сразу покончим с этим.

- Ваш поступок там, на эстраде... - глухо сказал Торн, - был храбрым.

Он сунул часы в карман кителя и ушел, даже не оглянувшись.

Обрывки воспоминаний

Вначале мы были единым целым.

Но Богу это не нравилось. Он развлекался, пытаясь нас разъединить...

Стена. Колеблющийся язычок фонаря. Детские каракули на листках, прикрепленных кнопками к цветным обоям.

Это воспоминание можно назвать довольно четким. Вероятно, он провел десятки часов, не меньше, созерцая стену с рисунками. Зато ему трудно вспомнить, что представляла собой остальная часть комнаты. В настоящий момент для него не существует ничего, кроме той стены, фонаря и детских каракулей.

Огонек внезапно колеблется, потом опять начинает светить ровно. Ему пришлось поставить фонарь на стол, чтобы он продолжал освещать стену. Но нет, стол слишком далеко от нее. Лучше уж стул или кровать. Кажется, он находится в спальне. В своей спальне?

Его тень, сперва огромная и расплывчатая, становится более четкой по мере того, как он подходит к кровати. Что же в них такого интересного, в этих листках, почему они так притягивают его? Особенно один рисунок: разноцветные фигурки, изображающие их вместе, его и остальных. Он осторожно откалывает кнопки, одну за другой.

За рисунком – дыра в стене. Именно в этом месте нет ни обоев, ни штукатурки. Что здесь – тайник?

Он заглядывает в дыру. Там темнота. Он не видит, что находится по другую сторону стены. И вдруг слышит собственный шепот:

- Артемида?

Он не узнаёт свой голос – дребезжащий, странно прерывистый, но это его голос, он звучит из его уст. Неужели он именно так говорил прежде?

- Артемида! – повторяет он снова, тихонько стуча в стену.

Еле различимый звук шагов, шорох отодвигаемого кирпича – и наконец-то глаз, мигающий глаз в глубине дыры. Глаз Артемиды?

- Я смотрела на звезды в чердачное окошко. Это интересно. – (Артемида говорит спокойно, монотонно, ее голос звучит глуховато из-за толстой стены.) – Ты должен положить кирпич на место, как я. Вспомни: нам больше не разрешили разговаривать друг с другом.

Конечно, ему хотелось бы вспомнить. Он прекрасно помнит глаз Артемиды, голос Артемиды, слова Артемиды, доносившиеся до него из дыры в стене, но никак не может вспомнить, почему их разлучили. И снова слышит собственный шепот:

- А другие? Ты не знаешь, как они?

- Другие послушнее тебя, – сообщает глаз Артемиды. – Я не говорила через стену с Янусом уже много дней. Он скучал в одиночестве, но, в общем, с ним все в порядке. Янус передал мне новости от стены Персефоны, у нее тоже все хорошо. Ну а ты как? А стена Елены?

- Она никогда не отвечает.

- Да она все слышит, эта Елена, – говорит глаз Артемиды. – Она услышала бы даже мигание века на другом конце дома. И если не отвечает, значит, подчинилась запрету. Давай последуем ее примеру. Иди спать.

На этот раз он не слышит своего ответа. Может, воспоминание ускользнуло от него? Нет, тут что-то другое. Он не ответил глазу Артемиды, потому что ему помешало что-то неподвиженное.

Тень Бога.

Он ясно помнит, как эта тень легла на стену, перекрыв его собственную. Бог находится в его комнате, прямо за его спиной. Глаз Артемиды исчезает в глубине дыры, она торопливо закладывает ее кирпичом.

Вот теперь он вспомнил: это Бог разлучил их – его, Артемиду, Елену, Януса, Персефону и всех остальных. Он вновь явственно ощущает страх и гнев, что охватили его в тот миг, когда он увидел тень Бога на стене. Когда понял, что нужно обернуться, перестать смотреть на стену и взглянуть Богу в лицо.

И вот он, наконец, поворачивает голову, но память упрямо отказывается вернуть ему лицо, силуэт, голос Бога, который медленно подходит к нему.

Здесь воспоминание обрывается.

Nota bene[5 - Nota bene (лат.) – возьми на заметку. Пометка, служащая для того, чтобы обратить внимание на какую-либо особо примечательную часть текста.]: «Обуздывай свою силу».

Кто произнес эти слова, и что они означают?

Письмо

Первые недели придворной жизни Офелии протекали совсем не так, как она себе представляла. Девушку вместе с тетушкой Розелиной поселили в Гинекее на седьмом этаже башни, как раз над Парадизом, и с тех пор она ни разу оттуда не выходила. Каждое утро главный камергер открывал позолоченную решетку лифта, разворачивал список и вызывал, одну за другой, придворных дам, избранных для свиты Фарука. Но если имя Беренильды постоянно значилось в списке, то имя Офелии не прозвучало ни разу.

А ведь Гинекей был таким местом, где женщина, забытая Фаруком, считалась самой несчастной на свете.

Эта роскошная женская обитель выглядела точным подобием восточных гаремов. Покои фавориток, со множеством ковров, диванчиков и подушек, в полосатом солнечном свете, сочившемся сквозь жалюзи, казались подлинным апофеозом сладостной неги.

Однако сладость эта была весьма обманчивой. Почти все фаворитки, жившие в Гинекее, принадлежали к клану Миражей и весьма враждебно отнеслись к вторжению новых соперниц в их уютное гнездышко. Едва за спиной Беренильды задвигалась решетка лифта, как начинались боевые действия. Однажды утром Офелия обнаружила, что покрыта с головы до ног прыщами. На следующий день от нее стал исходить мерзкий запах навоза. А еще через день, стоило ей шевельнуться, как у нее начиналась громкая отрыжка. Это были всего лишь иллюзии, которыми коварные обитательницы Гинекея исподтишка награждали девушку; они рассеивались уже через несколько часов, но их разнообразие ясно доказывало, что козням нет и не будет конца.

– Это невыносимо! – взорвалась однажды вечером тетушка Розелина, когда Беренильда вернулась из Парадиза. – К чему нам ваши Валькирии, если каждый может сколько угодно измываться над бедной девочкой?!

И она гневно ткнула пальцем в старух, которые в ответ даже глазом не моргнули. Валькирии, безмолвные и ненавязчивые, как тени, сопровождали Офелию и Беренильду на каждом шагу, ночью спали в одной комнате с ними, ели за одним столом, но никогда не вмешивались в их повседневные дела.

– Ну, пока еще всё это детские игры, – утешила Беренильда Офелию в тот день, когда ее «украсили» свиным рылом. – Главное, сделать так, чтобы эта ситуация не длилась вечно. Я хорошо знаю здешних дам: их попытки запугать вас будут все более и более наглыми, но лишь до того момента, пока наш монсеньор не обратит на вас внимание. Если вы его разочаруете, то нарушите условия вашего договора, а нарушив, лишитесь его покровительства. Я пыталась замолвить ему словцо о вас, но в таком виде вы никогда не попадете в список главного камергера!

Офелия, сидевшая за чайным столиком в гостиной, не ответила: она ломала голову над письмом к родителям. Торн обязался доставлять ее почту на Аниму, но как описать здешнюю жизнь, не напугав их до смерти, – вот в чем заключалась главная задача.

Девушку тревожили не столько иллюзии, которые ее обезображивали, сколько пресловутое назначение вице-рассказчицей. Она понимала, что рано или поздно ей придется выступить в этой роли. В Гинекее не нашлось ни одной книги, из которой Офелия могла бы почерпнуть какой-нибудь интересный сюжет, и она, чтобы не терять времени даром, занялась фонетическими упражнениями, стремясь улучшить дикцию. Ей очень хотелось разузнать, какие именно истории было бы приятно послушать Фаруку. На свою беду, она даже не знала, какие понравились бы ей самой. Наконец Офелия решила написать двоюродному деду, работавшему на Аниме архивариусом:

«Дух Семьи Полюса попросил меня рассказывать ему истории. Не могли бы вы посоветовать мне что-нибудь интересное?»

Двоюродный дед также приходился Офелии крестным. Она считала старика самым близким человеком, но даже ему не посмела поведать обо всем, что здесь творилось.

Ей все больше и больше не хватало Ренара и Гаэль. Они оказались единственными настоящими друзьями, которых Офелия встретила на Полюсе, но принадлежали к совсем другому миру. Их жизнь и без ее проблем была достаточно трудной. Здесь, в Гинекее, она пользовалась золотым туалетом, пока они чистили и чинили унитазы в Лунном Свете.

Теперь Офелия нередко сожалела о ливрее Мима, которая так долго скрывала ее истинный облик. Особенно она помогла бы ей здесь, в Гинекее, при встречах с Кунигундой. Эта дама поставляла фавориткам соблазнительные иллюзии и знала тут все входы и выходы. Офелия каждый раз вздрагивала, услышав брэнчание подвесок на ее покрывале или ощутив запах ее духов за ближайшим поворотом галереи. Кунигунда больше никогда не заговаривала с девушкой, но не упускала случая пронзить ее красноречивым взглядом, ясно говорившим, что она не забыла оскорбление, нанесенное ей в Парадизе.

Впрочем, если Кунигунда и внушала Офелии боязнь, то это чувство не шло ни в какое сравнение с тем страхом, который охватывал ее при виде шеваляе. А видела она его, к сожалению, слишком часто.

В Гинекее существовали специальные часы посещения для детей. Они не являлись прямыми потомками Фарука, но некоторые фаворитки были прежде

замужними женщинами и матерями семейств. Шевалье пользовался этой возможностью, чтобы осыпать Беренильду подарками. Он создавал для нее самые прекрасные иллюзии из цветов и духов, но она упорно отвергала все его подношения.

– Никогда не впускайте его сюда в мое отсутствие, – наставляла она Офелию и тетюшку Розелину. – Этому мальчишке впервые кто-то дал отпор, и его реакции могут оказаться непредсказуемыми.

Беренильда и не подозревала, насколько она права. Шевалье был так одержим ею, так уязвлен ее презрением, так болезненно ревнив, что однажды отыгрался на другом мальчике, которому она имела несчастье улыбнуться. Бедняга начал метаться по двору, как безумный; он катался по земле и звал на помощь мать, крича, что его сжигает невидимое пламя. Впрочем, никаких последствий, по крайней мере явных, мести шевалье не имела, а сам он уверял, что сделал это «просто для смеха». Но Офелию увиденное привело в ужас. Каждую ночь она просыпалась и вскакивала с постели: ей мерещился рядом с собой зловещий блеск его толстых очков.

– Не понимаю, как вам удастся сдерживать себя, – ворчала тетюшка Розелина, нервно выглядывая в окно. – У меня от одного вида этого малолетнего Миража все шпильки на голове встают дыбом. Это же не ребенок, а наказание божье! Кстати, может, вы когда-нибудь объясните мне, почему все величают его «шевалье»?

– Он сам так назвался, – со вздохом ответила Беренильда. – И, что самое смешное, сделал это в мою честь, возомнив себя моим верным рыцарем[б - Шевалье (фр. chevalier – рыцарь, кавалер) – старинный дворянский титул для младших сыновей в знатных семьях.].

– Да неужели ни один взрослый не способен его обуздать?! Не можем же мы всю жизнь прятаться от него!

– У него есть дядя и опекун – граф Харольд. Но он уже стар, глуховат и редко показывается в обществе. Его больше занимает разведение собак, чем воспитание племянника. Должна признаться, я и сама отчасти виновата в том, что он вырос таким своенравным, – прошептала Беренильда, поглаживая свой округлившийся живот. – Вот он и позволяет себе всё что хочет.

– Чем же вы виноваты? – спросила Офелия.

Беренильда не ответила. В ее прекрасных глазах блеснула печаль, совсем ей не свойственная, что навело Офелию на глубокие размышления. Вероятно, эта история была связана с замком Беренильды, который она унаследовала от родителей шевалье. Офелия хорошо помнила свое удивление при виде этого странного дома, его искусственной осени и таинственной детской, казалось, застывшей в ожидании того, кто здесь некогда жил. У Беренильды были все основания ненавидеть шевалье, но в глубине души она, видимо, побаивалась слишком резко отвергать его.

Во всяком случае, все было именно так – вплоть до того вечера, когда шевалье чересчур близко подобрался к Офелии.

Он проскользнул в Гинекей в неположенное для визитов время и, обнаружив, что дверь не заперта, тихонько вошел в покои Беренильды. В это время Офелия принимала ванну и вдруг с ужасом увидела его на пороге туалетной комнаты, а он с самым невинным видом завел с ней разговор.

К счастью, как раз в этот момент Беренильда вернулась от Фарука. Застав шевалье облокотившимся на край ванны, она побелела от ярости и, не в силах сдержать свое негодование, вышвырнула его в коридор. Когда потрясенный шевалье поднялся с пола, выяснилось, что его толстые очки разбиты.

– Если вы еще раз осмелитесь подойти к этой девушке, – прошипела Беренильда, – я разорву вас на части собственными когтями. Убирайтесь вон, и чтобы ноги вашей здесь больше не было!

Шевалье выбежал из Гинекея, вне себя от горя и злобы. Он не вернулся ни завтра, ни в последующие дни. Офелия никогда еще не видела Беренильду в таком бешенстве. Эта женщина, которая нередко весьма круто обходилась с ней, сейчас встала на ее защиту, как родная мать.

– Вы поступили великолепно! – одобрила ее тетушка Розелина. – Наконец-то мы сможем жить спокойно!

Однако последующие события опровергли ее уверенность.

Одним апрельским утром в Гинекей пришло письмо. У Офелии заколотилось сердце, когда она увидела на конверте свое имя. Но она тут же поняла, что это не был долгожданный ответ ее родителей:

«Мадемуазель вице-рассказчица,

Ваша свадьба с господином интендантом назначена на 3 августа.

С сожалением извещаю Вас, что Вы умрете гораздо раньше, если не последуете моему совету. Покиньте Полюс как можно скорее и больше никогда сюда не возвращайтесь.

БОГУ НЕУГОДНО ВАШЕ ПРЕБЫВАНИЕ ЗДЕСЬ».

- От кого письмо? - спросила тетушка Розелина.

- Кто-то ошибся адресом, - солгала Офелия, сунув листок в карман. - Так над какой фразой, вы считаете, я должна поработать, чтобы улучшить дикцию - «Дракон дружил с драгуном, драгун дразнил дракона» или «Свиристели на свирели семь секунд в саду свистели»?

Офелия дождалась ночи, чтобы в спальне несколько раз перечитать полученное письмо.

«БОГУ НЕУГОДНО ВАШЕ ПРЕБЫВАНИЕ ЗДЕСЬ».

Она и прежде не раз получала угрозы, но никогда - в таком тоне. Может, это просто шутка? Религия и богословие были на Аниме предметом насмешек, как и на многих других ковчегах, где Духи Семей заменяли собой Богов. Так, может, под «Богом» в этом письме подразумевается Фарук?

Подписи там, конечно, не обнаружилось, а на конверте отсутствовало имя отправителя. Офелия сняла перчатки чтицы, которые всегда надевала на ночь, и

прощупала каждый сантиметр бумажного листа. В этом не было ничего предосудительного, поскольку она использовала свои возможности, чтобы прочесть письмо, адресованное ей лично. Тем более что в нем ей угрожали смертью.

Вначале она даже растерялась: письмо ни о чем ей не говорило – никаких сильных ощущений, никаких образов. Оно было напечатано на машинке, но ведь автор обязательно должен был дотронуться до него, так или иначе. Внимательно обследовав конверт и бумагу, Офелия заметила на них крошечные впадинки, словно и то и другое держали пинцетом.

Офелию пробрала ледяная дрожь. Она не могла читать предметы, которых не касались их хозяева. Видимо, неизвестный отправитель прекрасно знал, на что способны и на что не способны ее руки.

Девушку привело в смятение не то, о чем говорилось в письме, а то, о чем там умалчивалось. Почему кто-то хотел любой ценой помешать ей выйти замуж за Торна? Что под этим крылось – обычная война кланов, нескончаемая борьба за власть, введущаяся вокруг Фарука?

Офелия соскочила с постели и стала рыться в беспорядочно раскиданных вещах, пока не разыскала копию контракта Торна.

«В случае успеха г-н Торн официально получит титул знатной особы, а его статус бастарда будет аннулирован и признан не имевшим места».

Поразмыслив, Офелия решила, что это смехотворное условие. Торн и без того был чиновником высшего ранга, которого все боялись, и знатное положение ничуть не ослабило бы ненависти его врагов. Тогда напрашивался единственный вывод: противников беспокоило не возвышение Торна, а само прочтение Книги Фарука.

И тут возникал вопрос: почему?

«Торн, в какую ловушку вы меня заманили?»

Гнев Офелии дошел до предела на следующей неделе, в тот день, когда она твердила очередную скороговорку: «Архиепископ и архиерей сушат архивы свои архаичные, чтобы их высушить поскорей», а заодно развешивала на балконе, с помощью тетушки Розелины, и свое белье, «чтоб его высушить поскорей».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Гусёк – старинная игра на прохождение маршрута. Расстояние, на которое игрок мог передвинуть по игровому полю свои фишки, определялось бросанием игральные костей. – Здесь и далее примеч. переводчика.

2

Редингот – длинный сюртук широкого покроя.

3

Роброн (ист.) – женское платье с очень широкой юбкой на обручах.

4

Гинекей (ист.) – в Древней Греции – женская половина в задней части дома, закрытая для всех мужчин, кроме хозяина.

5

Nota bene (лат.) – возьми на заметку. Пометка, служащая для того, чтобы обратить внимание на какую-либо особо примечательную часть текста.

6

Шевалье (фр. chevalier – рыцарь, кавалер) – старинный дворянский титул для младших сыновей в знатных семьях.

Купить: https://tellnovel.com/dabo_kristel/tayny-polyusa

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)